

Говоря о Шэнь Синцяо, в этот момент она была окружена отступающими воинами Бэйди.

Её левая рука, державшая саблю, мелко дрожала и безвольно опустилась вниз. С ладони стекала кровь, собираясь на кончике клинка и срываясь на землю.

Одежда на ней насквозь пропиталась потом, а сама она, опираясь правой рукой на длинное копье, стояла посреди кольца врагов, тяжело дыша. Кровь с красных кистей на древке копья пропитала её ладонь.

Отблески пожарац плясали в свете осеннего ветра, прилипшие от пота пряди волос облепили лоб. В окружении врагов её худощавая фигура казалась особенно хрупкой, и, если присмотреться, можно было заметить отличие: она была куда миниатюрнее любого мужчины того же телосложения.

Однако Шэнь Синцяо только что закончила яростный бой, в порыве гнева уложив более десятка врагов. Сейчас она напоминала одержимого бога войны, и воинам Бэйди было не до раздумий об особенностях её фигуры — одного её грозного вида хватало, чтобы заставить их в нерешительности топтаться на месте.

— Берегись спины! — раздался голос Ли Чанхао.

Услышав предупреждение, Шэнь Синцяо применила внутреннюю силу и метнулась вправо. Бэйдийская сабля лишь чиркнула её по руке, но боль от распоротой плоти пронзила всё тело, и из левого предплечья хлынула кровь.

Увидев, что она увернулась, Ли Чанхао, чьё сердце замерло от страха, немного успокоился. Он спрыгнул с коня и вступил в схватку. Вскоре десяток бэйдийцев пали под натиском их слаженных действий.

— Сдавайтесь! — выкрикнула Шэнь Синцяо, и в её звёздных глазах полыхнула жажда убийства.

Видя доблесть и ярость этой пары, остальные воины Бэйди больше не осмелились нападать. Они побросали оружие и пали на колени, моля о пощаде.

Огонь вокруг начал утихать, звон клинков смолк. Вслед за первыми сдавшимися всё больше одиноких воинов Бэйди теряли волю к борьбе и складывали оружие.

Заметив это, Шэнь Синцяо обратилась к Ли Чанхао:

— Прошу вас, господин цяньцзун, возьмите своих людей и свяжите их, а я пока останусь здесь на страже!

Ли Чанхао бросил взгляд на десятки коленопреклоненных врагов и, убедившись в безопасности, коротко кивнул:

— Хорошо! — после чего вскочил в седло и поскакал к основным силам.

Оставшись одна, Шэнь Синцяо наклонилась, оторвала кусок ткани от своего халата, зажала край зубами и правой рукой туго перевязала левое предплечье, временно остановив кровотечение.

Закончив, она не сводила глаз с пленных, опасаясь притворства, и лишь когда Ли Чанхао вернулся с отрядом, наконец смогла перевести дух.

Она с глубокой признательностью поблагодарила его:

— Благодарю вас, господин цяньцзун, за своевременное предупреждение. Ваш долг спасителя мне не оплатить, но если в будущем вам понадобится помощь, я, если это не пойдет вразрез с совестью, долгом и законами Да Ци, готов прийти на зов!

Сказав это, она, преодолевая боль, сложила руки в почтительном жесте.

Ли Чанхао поспешно остановил её, ответив с широкой прямой:

— Господин командир лагеря, к чему эти формальности! Мы оба — люди Да Ци, вместе проливали кровь на поле брани, можно сказать, прошли через огонь и воду. Считаю, что мы теперь связаны узами верных друзей. К тому же, ваша доблесть и острый ум достойны величайшего восхищения!

Закончив, Ли Чанхао в точности повторил жест Шэнь Синцяо, и та поспешно помогла ему выпрямиться.

— Вы слишком добры, господин цяньцзун! — Шэнь Синцяо показалось, что Ли Чанхао чересчур пылок, но, решив не спорить, она подумала, что со временем оплатит ему добром.

В этот момент к ним, сияя от радости, подбежали Ло Гоань и Чэнь Ю, надеясь заслужить похвалу:

— Командир, мы вернулись!

Шэнь Синцяо обернулась на их голоса и с улыбкой спросила:

— Ну, как успехи?

Ло Гоань ответил первым:

— Просто отлично! — его бородатое лицо расплылось в гордой улыбке.

Чэнь Ю подхватил:

— Мы с Гоанем уложили больше десятка врагов каждый! Этот ночной налет поверг их в такой хаос, что даже не верится. Раньше, чтобы срубить столько голов, требовалось немало времени, а тут всё прошло как по маслу! Сегодняшняя ночь была просто великолепной!

Услышав это, воины вокруг дружно рассмеялись.

Луна высоко взошла над южным небосводом, её свет был ясным и чистым. Час Крысы уже миновал.

Воины Бэйди полностью отступили, битва завершилась. Чу Лян приказал раненым отправиться на лечение, а остальным — заняться очисткой поля боя, сбором трофеев и пересчетом провианта.

Итоги оказались блестящими: армия Да Ци уничтожила пятерых вражеских военачальников и авангардных командиров, зарубила более трех тысяч солдат и взяла в плен три сотни. В качестве трофеев достались пятнадцать камнеметов, две сотни боевых коней, бесчисленное количество оружия и доспехов, а также скот и драгоценности.

Среди воинов Да Ци не погиб никто из командиров, раненых было около сотни, убитых — несколько десятков, пало около десятка лошадей.

Эту победу можно было назвать полной, она развеяла мрак трехмесячной осады, устроенной Хамуянем.

К тому времени, как войско вернулось в город, уже совсем рассвело. Утреннее солнце растянуло тени людей, и те, кто не спал всю ночь, теперь буквально светились от воодушевления.

Когда отряд Чу Ляна торжественно вошел через северные ворота, улицы были заполнены ликующими горожанами. На домах развевались ленты, а впереди шествия били в барабаны и танцевали львы.

Город наполнился духом победы, более двухсот тысяч военных и гражданских праздновали триумф. Оказалось, что еще до возвращения армии кто-то успел оповестить народ, вот люди и устроили такой прием.

Шэнь Синцяо, ведя за собой Ло Гоаня и Чэнь Ю, шла в общем строю по улицам, наслаждаясь славой победы и забыв на время о боли в левой руке.

С тех пор как она вступила в армию, это была её первая крупная победа. Она надеялась, что таких побед будет всё больше, а Да Ци станет ещё сильнее. Тогда воины Бэйди не осмелятся посягать на её земли, и народ сможет жить в мире и достатке, не зная ужасов войны и боли утраты близких.

Вернувшись в лагерь, Чу Лян распустил воинов и распорядился подготовить праздничный пир, что вызвало ликование в рядах солдат.

Шэнь Синцяо велела своим людям заняться лечением и отдыхом, а сама направилась в свои покои.

С тех пор как она стала командиром лагеря, ей выделили отдельную комнату. Пусть небольшую, но зато не нужно было ютиться с другими, что давало хоть какую-то приватность.

Она попросила солдата принести несколько ведер горячей воды, после чего заперла дверь. Опасаясь любопытных глаз, она даже опустила занавесь.

Оставшись одна, она медленно размотала окровавленные бинты на левой руке, сняла пропитанные кровью, засохшие от пота доспехи и нижнее белье.

Рана на руке, полученная вскользь, была неширокой, но глубокой. Края плоти выглядели пугающе, но, к счастью, кровь больше не текла.

Она сняла нагрудную повязку, обнажив небольшую грудь и кожу, которая была куда светлее, чем её загорелое лицо и шея. Затем она шагнула в бадью и принялась мыться.

Закончив, она небрежно собрала влажные волосы, вытерлась насухо и, обмотав грудь новой повязкой, нанесла на рану лекарство из золотого порошка и забинтовала её. Вновь вспотев, она надела чистую одежду.

Одной рукой она отжала волосы, затем с помощью внутренней энергии высушила их и, преодолевая резкую боль, заколола. Ей не обязательно было выглядеть безупречно, но ложиться спать или ходить с волосами, слипшимися от грязи и крови, было крайне неприятно.

Она достала из шкафа чистый халат, затянула пояс, убрала грязную одежду и вылила воду, после чего направилась на походную кухню.

Солнце уже стояло высоко, большая часть часа Змеи миновала. День был погожим, а осенний ветерок — ласковым.

<http://bllate.org/book/20966/2127550>